

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ДЕМОКРАТИЯ, ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА
И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
В СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВАХ

М. В. АНТОНОВ,* С. И. МАКСИМОВ**

Антонов Михаил Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
юридического факультета
НИУ «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)

Максимов Сергей Иванович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры философии
Национального университета
«Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого»

Данная статья посвящена обзору XXVI Всемирного конгресса по философии права и социальной философии «Права человека, демократия, верховенство права и современные социальные вызовы в сложных обществах». По мнению авторов, важность выбранной темы обусловлена, с одной стороны, обострением проблем в развивающихся странах и связанной с этим необходимостью согласования ими экономического развития с защитой прав человека, а с другой — поиском западными странами достойного ответа на критику той модели, которую они исторически навязали остальному миру. Авторы статьи сфокусировали обсуждение на пленарных докладах участников конгресса, которые с разных позиций рассмотрели проблематику соотношения прав человека, демократического и либерального общественного строя, потребности экономического и культурного развития. Внимание пленарных докладчиков привлекли такие проблемы, как взаимодействие государственно-организованного и обычного права в правопорядке ЮАР, юридические гарантии против вторжения в процесс мышления, связь правового регулирования с мышлением и эмоциями человека, соизмеримость легальности государственного порядка с гарантиями демократии, соотношение судебных и политических гарантий субъективных прав, индивидуальное право на демократию и ряд других насущных и актуальных вопросов современного теоретического правоведения.

* Mikhail Antonov — candidate of legal sciences, associated professor of Law Faculty of National Research University “Higher School of Economics” (Saint Petersburg).
E-mail: mantonov@hse.ru

** Sergey Maksimov — doctor of legal sciences, professor of philosophy at National University “The Law Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise”.

E-mail: s_maximov@ukr.net

© Антонов М. В., Максимов С. И., 2013

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная философия, философия права, демократия, права человека, верховенство права, социальные вызовы.

ANTONOV M. V., MAKSIMOV S. I. HUMAN RIGHTS, DEMOCRACY, RULE OF LAW AND CONTEMPORARY SOCIAL CHALLENGES IN COMPLEX SOCIETIES

This article analyzes the proceedings of the XXVIth World Congress of philosophy of law and social philosophy "Human Rights, Democracy, Rule of Law and Contemporary Social Challenges in Complex Societies". In the authors' opinion, this topic is important, as far as the developing countries are now experiencing more acute problems, and this determines the necessity for these countries to coordinate their economical improvement with the protection of human rights. At the same time, the Western countries face with the challenge to find an appropriate reply to the criticism of the model which was imposed by these countries on the rest of the world. The authors focus their attention on the plenary presentations made by the participants of the Congress who examined the problem of relations between human rights, democracy, liberal social order, and economical and cultural development from different angles. The plenary speakers drew the attention of the audience to such problems as interaction of the state law and customary law of the South African Republic, legal guarantees against intervention into the thinking process, connection between legal regulation, human emotions, human reason, interdependence between legality of state order and security of democracy, balancing of judicial and political guarantees of rights, an individual human right to democracy, and some other urgent and actual issues of the contemporary jurisprudence.

KEYWORDS: social philosophy, philosophy of law, democracy, human rights, rule of law, social challenges.

С 21 по 26 июля 2013 г. в городе Белу-Оризонте, столице штата Минас-Жерайс (Бразилия), состоялся XXVI Всемирный конгресс по философии права и социальной философии, который проходил под эгидой Международной ассоциации философии права и социальной философии (*Internationale Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie*, IVR). Тема конгресса была обозначена как «Права человека, демократия, верховенство права и современные социальные вызовы в сложных обществах». Основная проблематика этого научного форума, который собрал более 1500 участников со всего мира (официально было зарегистрировано более 900 участников), сводилась к дискуссии о возможности обоснования идеи прав человека в современной философско-правовой парадигме. Принимала конгресс Бразильская ассоциация философии права и социологии права (*Associação Brasileira de Filosofia do Direito e Sociologia do Direito*, ABRAFI) в сотрудничестве с ведущими бразильскими университетами. Основные мероприятия проходили в одном из крупнейших университетов страны — Федеральном университете Минас-Жерайс. Работа Конгресса традиционно проходила в формате пленарных докладов, выступлений в рамках рабочих групп (всего 37) и специальных семинаров (всего 64). Официальным языком мероприятия был английский. Некоторые специальные семинары, в частности официальное заседание ABRAFI, проходили на португальском языке.

Пленарные заседания начались 22 июля с доклада старшего научного сотрудника Центра права и общества Университета Кейптауна (ЮАР) **Синдизо Уикс** (*Sindiso Weeks*) «**Соревновательная демократия и верховенство права (законов) в плюралистических обществах: пример Южной**

Африки». В нем было заострено внимание на сложности реализации верховенства права в условиях юридического плюрализма. Южноафриканская исследовательница обратила внимание на сложнейшие вопросы, связанные с сосуществованием на территории ЮАР государственно-организованного права (в свою очередь, представляющего собой смешанную правовую систему с элементами английского и романо-германского права) и относительно независимых от него правопорядков обычного права. Живущие в сельских районах южноафриканцы зачастую фактически оказываются исключенными из-под сферы действия государственно-организованного права, поскольку большинство их повседневных проблем и споров решается на основе обычно-правовых норм вождями племен, в которых живут эти люди. Вожди осуществляют экономическую (поскольку земля принадлежит племени, которое олицетворяет вождь), политическую (поскольку вождь представляет племя при обсуждении политических вопросов с государством и другими племенами) и юридическую (поскольку под контролем племенных вождей решаются споры, реализуются меры ответственности и принудительно исполняются принятые ими же решения) власть. Даже если государственно-организованное право ЮАР допускает обжалование решений, принятых на уровне племени его вождями или старейшинами, к такой процедуре прибегают только в редких ситуациях. Это нетрудно объяснить — обращение к государству с просьбой вмешаться во внутриплеменные вопросы может легко привести к социальному и иному осуждению подателя жалобы, к его бойкоту, изгнанию из племени. Те дела, которые доходят до государственных судов и которые были частично проанализированы докладчицей, показывают высокую степень произвола племенных вождей по отношению к своему населению.

После крушения апартеида и принятия курса на демократическое развитие страны возник определенный диссонанс между провозглашенными в Конституции и разделяемыми большинством населения принципами полного гражданства, равенством прав и всеобщим доступом к демократии, с одной стороны, и наличием значительного слоя бедного чернокожего, фактически бесправного населения в сельских местностях — с другой. Этим людям социальная мобильность юридически не запрещена, но они живут в сильной зависимости от племенных вождей, в руках которых оказывается не только земля, но и безграничная власть над их жизнями. Практически основной альтернативой для несогласных становится миграция в город, где они пополняют ряды преступных сообществ, поскольку при отсутствии образования, как правило, не могут найти хорошо оплачиваемую (а зачастую вообще какую-нибудь) работу.

Вместе с тем С. Уикс продемонстрировала рост обращений и жалоб на действия племенных вождей, случаи насильственного и ненасильственного сопротивления их произволу со стороны несогласного населения, что, по мнению докладчицы, свидетельствует о постепенном изменении правосознания сельского населения ЮАР, начинающего осознавать свои права и отстаивать демократические ценности. На этом пути встречаются некоторые трудности. С одной стороны, новые политические элиты ЮАР стремятся воздержаться от вмешательства во внутренние дела племен, поддерживая культурную самобытность и, следовательно, юридическую автономию (основанную на институтах обычного права). С другой стороны, основанные на западной либеральной философии идеи демократии и прав человека нередко оказываются в противоречии с институтами обычного права, которые строятся на иных системах мировоззрения (где приоритет отдается интересам целого перед интересами личности, поддержке

традиции перед введением новшеств). По мнению докладчицы, требуется балансировка функционирования как государственной системы права, так и систем права, основанных на обычае, для защиты прав человека и обеспечения демократии и верховенства права в плюралистическом правовом порядке ЮАР.

В этом году организаторы конгресса несколько изменили порядок выступления победителя премии IVR для молодых ученых, которым стал **Ян Бублиц** (*Jan Bublitz*) из Университета Гамбурга (Германия). Его доклад **«Свобода мысли в эпоху нейрологии: предложения по возрождению забытого фундаментального права»** был заслушан не в последний, а в первый день работы конгресса. В своем докладе автор исходил из положения о свободе мысли как основополагающем праве и источнике всех остальных прав. Свобода мысли, с его точки зрения, должна пониматься, как право одного человека по отношению к другому человеку оставаться свободным от вмешательства в мысли и процесс мышления. Современная правоприменительная практика знает случаи, когда человек может подвергаться санкциям за мысли, которые не сопровождаются никакими внешними действиями. В качестве примера докладчик обратился к случаю, когда муниципальные власти одного из городов США запретили посещать публичные парки лицу, которое призналось психотерапевту в сексуальных фантазиях по отношению к детям, которые гуляют по паркам, хотя никоим образом не выразило свои фантазии вовне. Насколько допустимо такое ограничение основных прав (на свободу передвижения и пр.) в зависимости от невоплощенных в действия мыслей, каковы критерии балансирования интересов индивида и публичных интересов в таких случаях — данные вопросы могут и должны обсуждаться философами права.

Традиционные концепции прав человека нередко исключали свободу мысли из каталога прав, либо приравнивая ее к свободе слова, либо рассматривая как неподконтрольную правовому регулированию. Под влиянием проведенного Кантом деления права и морали как регуляторов внешнего поведения и внутреннего самоопределения свобода мысли перестала рассматриваться в качестве самостоятельного субъективного права. Сам концепт субъекта права необходимо основан на аксиоме индивидуальной автономии как способности индивида к самоопределению, на независимости, автономии его разума. С этой позиции свобода мысли не может иметь юридической защиты, поскольку эта внутренняя сфера самоопределения недоступна для правового регулирования и может быть защищена только через такие субъективные права, как свобода слова, вероисповедания, распространения и получения информации и пр.

Я. Бублиц подчеркивает, что в современную эпоху свобода мысли нуждается в дополнительной, особой защите. Случаи манипулирования массовым сознанием со стороны диктаторов, навязывающих населению свою идеологию через подконтрольные им СМИ, — это далеко не единственный способ посягательства на свободу мысли. Использование медицинских препаратов или технологий (лазеры, ультразвук и пр.) позволяет активировать или дезактивировать отдельные участки головного мозга, управлять настроениями, эмоциями, а через них — мыслями людей либо угадывать мысли по наблюдениям за динамикой реакций головного мозга. Немецкий правовед указал на медицинские опыты, которые доказали возможность изменения человеческой личности (ее ценностей, поведенческих стереотипов) с помощью медикаментозного и иного воздействия на головной мозг, причем помимо воли и сознания самих индивидов. В том же ряду находятся некоторые маркетинговые стратегии, связанные

с воздействием на подсознание людей через навязывание определенных образов, а с ними — мыслей и желаний. В этих ситуациях человек оказывается не в состоянии сознательно контролировать внешние влияния, проходящие за порогом его сознания, и защищать себя от них.

Поэтому, по мнению докладчика, следует отказаться от кантовского представления о неподвластности внутреннего мира человека правовому регулированию — такое регулирование действительно требуется в современности для защиты человека как свободного, автономного индивида, способного к самоопределению. Среди принципов такого регулирования Я. Бублиц называет следующие: 1) нельзя ни от кого требовать определенных мыслей; 2) никто не может быть наказан за те или иные мысли; 3) недопустимо принудительно, без согласия самих индивида, изменять его мысли; 4) недопустимо наблюдение за мыслями и их раскрытие без предварительного согласия субъекта. При этом докладчик соглашается, что конкретные формулировки соответствующих запретов должны основываться на балансе различных ценностей и субъективных прав, среди которых свобода мысли не обязательно оказывается высшей и доминирующей.

На второй день работы Конгресса (23 июля) пленарную сессию открыл профессор Университетской системы штата Мэриленд (США), президент национальной секции IVR в США, директор Центра международного и сравнительного права Университета Балтимора (США) **Мортимер Селлерс** (*Mortimer Sellers*). Его доклад «**Право, мышление и эмоции**» представлял собой введение в проблематику следующего конгресса IVR, который состоится в 2015 г. в Вашингтоне. Докладчик обратил внимание на тесную взаимосвязь между правом, разумом и эмоциями, а также подчеркнул их значение как центральных правовых ценностей. Право не только представляет собой сферу рационального обоснования принуждения, но и имеет тесную связь с проявлениями человеческих эмоций. И хотя разум и эмоции различны (разум начинается с аксиом, утверждаемых как истина, а эмоции начинаются с чувств, принимаемых как реальность), они касаются схожих вопросов, таких как легитимность и справедливость права. С одной стороны, эмпирическое поведение человека формируется под влиянием и эмоций, и мышления, поэтому правовое регулирование ориентируется на оба этих источника самоопределения человека. С другой стороны, само правовое регулирование как на законодательном, так и на правоприменительном (который в странах общего права одновременно является уровнем формирования юридических правил) уровнях далеко не всегда является строго рациональным процессом.

Реалистическое направление в американской философии права XX в. (особенно в творчестве таких его представителей, как Дж. Франк) показало, насколько действия правотворцев и судей могут быть подвержены влиянию эмоций и чувств, не контролируемых сознанием. Само право может стать источником для формирования чувств, эмоций, переживаний (что подтверждают исследования движения «Право и литература»), может оказаться значимым для развития новых мировоззренческих систем, типов рациональности. Изучение этого взаимного влияния права, эмоций и мышления друг на друга может, по мысли докладчика, стать одним из наиболее перспективных направлений для развития философско-правовых исследований. В заключение автор выразил надежду на то, что юристы при создании, истолковании и применении права будут брать в расчет не только рациональные схемы и логические конструкции, но и человеческие эмоции по поводу принципов справедливого общества. В этом докладчик видит непреходящую истину естественно-правового подхода к праву.

Предметом рассмотрения профессора Университета Чарльза Стёрта (Канберра, Австралия) **Тома Кэмпбелла** (*Tom Campbell*) стала проблема соотношения политической и юридической функций прав человека в конституционном контексте Австралии. В докладе «**Права человека: демократический путь**» он отстаивает позицию легализма, или «этического позитивизма», предполагающего такую модель верховенства права, в соответствии с которой права человека должны быть предметом не судебного, а политического контроля; сферой ответственности не судов, а, в первую очередь, законодателей и, соответственно, самих избирателей. По мнению Т. Кэмпбелла, такой подход способствует расширению автономии личности посредством политического выбора и обеспечивает эффективность государственной политики в отношении реализации целей демократии. В настоящем номере журнала приводится русский перевод этого доклада, в связи с чем мы не будем подробно останавливаться на его положениях.

Четвертый день (в третий день для участников Конгресса была организована экскурсия) Конгресса (25 июля) был отмечен докладом профессора Высшей школы права Университета Нагойи (Япония), президента IVR в 2009–2011 гг. **Ясutomо Моригивы** (*Yasutomo Morigiwa*) «**Истина в концепции “Gesetz ist Gesetz”**». Идиома «*Gesetz ist Gesetz*» (нем. закон есть закон) интерпретируется Я. Моригивой как указание на самостоятельное, не производное от каких-либо внеправовых ценностей основание обязывающей силы права. Эта идиома не призывает к беспрекословному подчинению любым государственным командам и велениям, как это пытались представить критики юридического позитивизма после Второй мировой войны. Она лишь отражает самостоятельность правового регулирования, претензию права на приоритет при определении человеческого поведения перед другими социальными регуляторами. Вопрос о легитимации права (статутного, обычного, естественного) очевидно выводит за рамки собственно нормативно-правового материала, что признавали Г. Кельзен, Г. Харт, Дж. Раз и другие ведущие юспозитивисты XX в., поэтому доктрина «закон есть закон» не является инструментом обоснования властного произвола, как это казалось Г. Радбруху и другим юснатуралистам.

Другой момент, который нужно учитывать при характеристике высказывания «закон есть закон», — это идея долга верности букве закона, постулирование приоритета формы права перед его содержанием. Японский правовед полагает, что эти концепции не связаны между собой необходимым образом. Ни один закон не может действовать механически, без творческой интерпретации со стороны правоприменителей, поэтому требование верности закону в действительности предполагает верность скорее духу, чем букве закона. С этой точки зрения противопоставление права и закона имеет скорее идеологическое, чем научное значение. Какой смысл может и должен вкладывать в закон правоприменитель при такой интерпретации — это один из ключевых вопросов философии права.

Реальное значение правовых текстов в демократическом государстве должно искаться в рамках публичного дискурса о принципах, ценностях, задачах правового регулирования того или иного общества (включая в первую очередь права и свободы человека). Поэтому доктрина верности закону отнюдь не предполагает апологию произвола и отрицание прав человека — скорее, наоборот. Установление консенсуса по поводу правовых ценностей оказывается более легким в странах, где процедура такого установления регламентируется общезначимыми правовыми текстами, гарантированными централизованным принуждением (законами). В этом

отношении высказывание «закон есть закон» указывает на запрет нарушать установленные правила публичного дискурса. Японский профессор скептически относится к возможности нахождения рационального решения по наиболее значимым социальным вопросам на основе всеобщего согласия. Любое решение будет, как правило, представлять собой компромисс относительно балансирования различных ценностей и интересов — задача закона заключается в том, чтобы гарантировать процедурные правила демократического компромисса и его соблюдение. В этих целях закон является более эффективным механизмом, чем обычное право, мягкое право и иные разновидности негосударственных правопорядков. Я. Мorigива призывает уйти от дихотомии позитивизма и непозитивизма и перейти к обсуждению вопроса о том, как в либеральном демократическом обществе должен формироваться, толковаться и применяться закон.

Проблеме соотношения демократии и прав человека был посвящен доклад профессора философии права Университета Зальцбурга (Австрия) **Стефана Кирсте (Stephan Kirste)** «**Право человека на демократию как краеугольный камень права**». Докладчик подчеркнул, что право человека на демократию является правом участвовать в процедурах обсуждения, принятия решений и интерпретации общих прав и обязанностей. Это право не противоречит правовой форме, но помогает ее осуществлению — без обоснования такого права иные права человека в значительной мере утрачивают свою значимость. Доклад профессора Кирсте приводится в русском переводе далее, поэтому на его характеристике здесь мы задерживаться не будем.

В заключительный день работы Конгресса (26 июля) трибуна для пленарных выступлений была предоставлена профессору Кёльнского университета (Германия) **Норберту Хорну (Norbert Horn)** и двум бразильским правоведом: заслуженному профессору Института международных отношений Университета Сан-Паулу **Сельзо Лаферу (Celso Lafer)** и профессору Федерального университета Минас-Жерайс **Мираси де Соуза Густин (Miracy de Sousa Gustin)**.

Н. Хорн выступил с докладом на тему «**Права человека: философские основы и юридические измерения**», в котором рассматривалась проблема философского обоснования прав человека. Подходя к этой проблематике с естественно-правовых позиций, профессор Хорн подчеркнул важность этических констант в праве, которые хоть и могут меняться с течением времени, зависеть от конкретной социальной структуры, но всегда служат в качестве неотъемлемой основы для дискурса о справедливости. Именно этот дискурс и является, по убеждению Н. Хорна, фундаментом правового регулирования, поскольку на нем покоится сама нормативная структура права как обращение к разуму и чувству справедливости, авторитет которых обязывает человека к определенному действию, обосновывая такое обязательство. Эта нормативная структура может быть описана через отсылку к категории человеческого достоинства, в свою очередь, раскрывающейся в той форме, которую каждое правовое сообщество придает правам человека. Права человека рассмотрены Н. Хорном как моральные права, способные приобрести юридическое оформление в нормах позитивного права — эти моральные права предстают как своего рода «естественное право с меняющимся содержанием», о котором писал еще Р. Штаммлер в XIX в.

Н. Хорн полагает возможным снять противопоставление позитивного и естественного права, рассматривая первое как необходимую форму для социальной реализации второго (также следуя в этом Штаммлеру и другим

идеологам возрожденного естественного права). Он считает, что позитивное право не может быть бессодержательным либо иметь в качестве своего содержания волю суверена, его приказ или команду, поскольку это привело бы к смешению права и произвола. В этом плане перед философией права встает задача морального обоснования позитивного права, т. е. раскрытия в нем тех этических констант, которые в юриспруденции обозначаются как права человека. Профессор Хорн сделал акцент на онтологической заданности этих этических констант, но при этом подчеркнул, что это не снимает вопрос об их моральном обосновании. Ссылаясь на Дж. Финниса, кельнский правовед указал, что разумное человеческое поведение ориентировано на достижение ограниченного числа базовых благ, таких как жизнь, свобода или знания, которые являются самоочевидными и несомненными. Иерархия этих благ является отражением онтологической структуры права, поскольку достижение разных и иногда конфликтующих благ может быть структурировано с помощью принципов практической разумности. Из этого положения вещей (правовой онтологии) можно вывести и сформулировать универсальные моральные правила, включая правила справедливости и основополагающие права человека.

По мнению докладчика, в дискуссии о правах человека нужно учитывать культурные и религиозные различия, однако их не следует преувеличивать. Наличие незыблемых этических констант социального поведения следует из эмпирических и аналитических наблюдений (включая данные этнологии, антропологии, психологии), которые демонстрируют схожие тенденции в эволюции нравственного сознания человека, независимо от культурной специфики соответствующих обществ. Особое значение в философском осмыслении этих этических констант имеет идея прав человека, которая как раз указывает на необходимое моральное основание правового регулирования. Это не ведет к смешению права и морали, поскольку констатация их необходимой взаимосвязи как в аналитической перспективе (невозможность определения права без отсылки на моральные основы правового регулирования), так и в фактическом аспекте (невозможность изолировать друг от друга действие моральных и правовых регуляторов социального поведения) не означает их тождества. При этом Н. Хорну представляется необоснованной критика универсализма прав человека из-за их укорененности в западной правовой традиции и свойственном для христианства миропонимании. Несмотря на ее явные христианские корни, идея прав человека становится привлекательной для людей и наций других культур, которые могут, опираясь на собственную религиозную традицию, найти элементы, поддерживающие эту идею.

С. Лафер в докладе **«Права человека и их вызовы в современном мире: рассуждения о развитии мысли и действия»**, опираясь в значительной мере на идеи Ханны Арендт и Норберто Боббио, раскрыл особую ценность прав человека в контексте «жизненного опыта» бразильского народа во второй половине XX в. В годы военного авторитарного режима нарушения прав человека в Бразилии носили массовый характер, хотя в формальной легальности и социальной действительности установлений этого режима сомневаться не приходилось. Но можно ли эти установления называть нормативно обязывающими? Для ответа на этот вопрос, по мысли бразильского правоведа, необходимо обратиться к правосознанию бразильского народа той эпохи. Большинство людей тогда воспринимали нормативно-правовые акты военных режимов как право, не задумываясь, а зачастую и не догадываясь о высших критериях оценки нормативной силы таких актов. В частности, мало кто ставил вопрос о недействительности

таких актов государственного права, которые вопиющим образом нарушают права человека. С этой точки зрения демократические реформы в современной Бразилии не могут опираться только на изменение законодательства и правоприменительной системы, а должны в качестве своего фундамента иметь соответствующее развитие общественного правосознания. Докладчик обратил внимание на то, какое большое значение в этом процессе имеет отношение простых людей к праву, осознание ими своих субъективных прав и осмысление необходимости защиты этих прав. Особый упор докладчик сделал на создании в 2011 г. Бразильской национальной комиссии правды, подчеркнув ее значение в защите коллективного права нации на то, чтобы знать правду.

В своем докладе **«Социальное управление сообществами с точки зрения периферического исключения: фундаментальные вопросы его эффективности»** М. де Souza Густин попыталась рассмотреть возможные способы преодоления проблем современных периферий. Противостояние между центром и периферией является характерной чертой большинства обществ — от международного сообщества до регионального, локального уровней социальной жизни. Везде имеется разделение между ведущими территориями и теми территориями, которые следуют навязываемой (в той или иной степени) им из центра политике. Особенно острой эта проблема является для Бразилии — страны, где существуют достаточно обширные территории, фактически исключенные из-под действия законов и находящиеся под контролем преступных группировок. Проблема заключается в циркулярности, воспроизводстве социальных факторов изоляции таких территорий. Отсутствие нормальной социальной инфраструктуры влияет на рост уровня насилия и на отсутствие общественной безопасности в таких районах, что, в свою очередь, делает весьма сложной реализацию каких-либо масштабных инфраструктурных проектов, наталкивающих на ожесточенное сопротивление местного населения (снос фавел и т. п.). Социологические данные свидетельствуют о росте активности жителей таких периферий и об их желании изменить жизнь, но в силу их неорганизованности и дезориентации в алгоритме необходимых действий такая активность не приносит позитивных результатов. Подводя итог, профессор Густин отметила, что важнейшим шагом к обеспечению нормальных условий существования малоимущих масс является создание социального и гражданского центра, который осуществлял бы социальное управление периферией, имея четкую программу, учитывающую интересы как государства, так и населения.

На заключительном заседании были подведены итоги Конгресса, сделано официальное объявление о том, что очередной XXVII Всемирный конгресс по философии права и социальной философии состоится летом 2015 г. в столице США г. Вашингтоне и будет посвящен теме «Право, разум и эмоции».